

МАРИША
КРАМЕР

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

ПОПРОБУЙ УБЕЖАТЬ ОТ СМЕРТИ

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер

Жертвы осени

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Жертвы осени / М. Крамер — «Эксмо», 2023 — (Закон сильной.
Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-193546-7

В современном мире женщина не может позволить себе роскошь быть слабой. Героини романов Марины Крамер преодолеют любые препятствия на пути к своей цели, заставят считаться с собою каждого, кто захочет перейти им дорогу. Любовь таких женщин обжигающе горяча, а власть над мужчинами – безгранична. Провинциальный городок Вольск потрясла серия убийств. Маньяк напал на вышедших на пробежку девушек, за что его даже прозвали «Бегущий со смертью». Подозреваемый, студент Леонид Вознесенский, даже под тяжестью улик так и не признал свою вину. Двадцать лет спустя журналистка Василиса Стожникова едет в тюрьму, чтобы разобраться в этом деле, и понимает, что оно связано с ее личной трагедией...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193546-7

© Крамер М., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Город Вольск, наши дни	6
Москва, наши дни	7
Город Вольск, год назад	8
Город Вольск, наши дни	11
Москва, наши дни	15
Город Вольск, год назад	17
Город Вольск, наши дни	20
Москва, наши дни	22
Город Вольск, год назад	25
Город Вольск, наши дни	28
Москва, наши дни	30
Город Вольск, год назад	32
Город Вольск, наши дни	35
Город Вольск, наши дни	38
Город Вольск, год назад	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина Крамер

Жертвы осени

*Все совпадения случайны,
все названия вымышлены...*

От автора

© Крамер М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

* * *

Мокрая осенняя листва пахла неприятно – плесенью и смертью. От этого запаха потом приходилось долго избавляться под горячим душем, но он все равно еще пару дней преследовал. Пистолет привычно лег в ладонь, курок взведен, патрон в стволе... Все как обычно, и вдруг – собачий лай, приближающийся очень быстро. Рука дрогнула, выстрел, очевидно, пришелся не туда, но уже нет времени исправлять, надо уносить ноги, пока неизвестная собака не добралась и не устремилась в погоню.

Бежать, бежать как можно быстрее – домой, в душ, под горячую воду. Потом сварить кофе, выпить и лечь под одеяло, накрыться с головой и затихнуть. В буквальном смысле затихнуть на пару недель. На ту пару недель, во время которых станет легче, перестанет болеть голова, прекратятся эти мучительные сны, толкающие на поиски очередной жертвы. Пара недель тишины и покоя...

А потом все начнется снова. Охотник и жертва. И кто выиграет в поединке – даже сомневаться не приходится...

Город Вольск, наши дни

Ночные кошмары перестали мучить ее около года назад – спасибо поистине изнурительному труду психотерапевта. Ева наконец-то смогла выспаться за все те годы, что ей приходилось то и дело вскакивать среди ночи и менять мокрую от пота рубашку, пить успокоительное и снотворное и потом долго лежать в темной спальне без сна, глядя в потолок, по которому разбежались флуоресцирующие звезды. Такой потолок был у нее в детской...

«Все, хватит! – одернула она себя, решительно дотягиваясь до браслета и выключая дребезжащий звук будильника. – Какая детская, мне уже скоро сорок! Хватит в этом копать».

Но не копать оказалось невозможно – прошлое то и дело наступало, наносило какой-то удар, от которого Ева не успевала увернуться, потому что не была к нему готова, не знала, в какой момент прилетит и откуда.

Сегодняшний день не стал исключением, хотя ничего, как говорится, не предвещало.

Сварив кофе, Ева присела к небольшому столику у окна в кухне, открыла ноутбук и развернула новостную страницу.

От первого же заголовка рука, державшая чашку, задрожала, и горячий кофе выплеснулся на колени. Ева даже не сразу заметила это, продолжала сжимать ручку пустой чашки и остекленевшим взглядом смотреть в монитор, где расплывалась черная фраза:

«Новый поворот в деле Бегущего со смертью».

Москва, наши дни

Тимофей Колесников, рано начавший сесть видный мужчина лет пятидесяти, лежал в спальне своего загородного дома и лениво просматривал новости. Журналист Колесников любил быть в курсе всех последних событий, а особенно ревниво следил за журналистскими расследованиями – сам специализировался на подобном, а потому предпочитал знать конкурентов в лицо и по почерку.

«Бегущий со смертью может выйти на свободу после отбытия срока в восемнадцать лет из тех двадцати пяти, что он получил», – этот заголовок на интернет-портале большого, но провинциального города заставил Тимофея сесть и отложить планшет.

Прозвище «Бегущий со смертью» к серийному убийце Леониду Вознесенскому приклеилось ровно восемнадцать лет назад, как раз после серии статей, написанных Колесниковым по материалам громкого дела. И теперь, выходит, кто-то еще решил окучивать эту поляну...

Тимофей снова взял планшет и пробежал глазами статью до последней точки, до фамилии автора – В. Стожникова.

– Вера, Валя, Варя? – забормотал Колесников, выбираясь из постели. – Откуда такая информация у журналистки из провинциального интернет-издания? И главное: почему у нее есть, а у меня – нет?

Источник в Следственном комитете у Колесникова был надежный, он всегда снабжал Тимофея самыми свежими данными о громких расследованиях и уж о таком повороте в деле Бегущего должен был предупредить непременно.

– Придется навестить лично, – направляясь в душ, решил Колесников.

Город Вольск, год назад

Василиса Стожникова, которую окружающие до сих пор, как в детстве, называли Васёной, завершила свою утреннюю пробежку по набережной. В наушниках плескалось море – его звук всегда настраивал ее на нужный лад, тело совершало привычные движения – бегать Васёна начала в десять лет вместе с отцом, военным корреспондентом, привыкшим держать себя в хорошей физической форме, чтобы быть готовым в командировках к любым сложностям. Вот и его дочь, которой недавно исполнилось двадцать семь, приучила себя вставать ни свет ни заря в любую погоду и, вставив наушники, выбегать на набережную.

Внешне Васёна больше походила на подростка: невысокая, худенькая, с неизменным хвостиком на макушке, в больших очках на чуть курносом носике. Однако те, кто знал ее давно и близко, могли сказать с уверенностью, что Василиса Стожникова – девушка с железным характером и очень сильной волей. Внешняя subtilность этого, конечно, не предполагала.

Факультет журналистики Васёна окончила с красным дипломом, осела на местном новостном интернет-портале, но до сих пор ничего «громкого» не написала.

– Тему всей жизни можно искать как раз всю жизнь, – отшучивалась она, когда отец, вернувшийся из очередной командировки, интересовался ее делами. – Пока меня вполне устраивает собственная криминальная колонка.

– Живописуешь, как алкаш Геннадий в пьяной драке убил бомжа Василия? – усмехался отец.

– И такое бывает, – кивала Васёна, ничуть не обиженная его словами. – Ты тоже не сразу стал тем, кто есть. И в горячие точки тоже попал не после получения диплома. Так что и у меня все впереди.

Но это призрачное «впереди» никак не обрело четких контуров, а заметок, о которых с иронией отзывался отец, становилось больше, и Васёна начала понемногу унывать – ну какое тут имя сделаешь, если приходится писать о таком. Но «громкой» темы никак не попадалось. И вдруг...

Она просматривала новостные сайты и, увлекшись, перешла по ссылке, оказавшись на страничке какой-то белорусской газеты. С экрана ноутбука на Васёну смотрело мужское лицо – черно-белый снимок, больше похожий на фоторобот. В мозгу словно вспыхнул фонарик, осветил на миг тропинку и снова потух, как будто села батарейка, но Васёна начала лихорадочно вспоминать, где могла видеть этого человека – или кого-то, на него похожего. Она попыталась прочесть статью, но продираться сквозь хоть и созвучные, но все равно малопонятные слова было сложно, пришлось воспользоваться переводчиком.

«В квартире младшего брата известного бизнесмена и мецената Тиханевича обнаружен незарегистрированный пистолет. Владелец оружия скрылся, он объявлен в розыск».

– Тиханевич... – пробормотала Васёна, словно пробуя фамилию на вкус. – Нет, ни о чем... но лицо... где я могла видеть это лицо?

Остаток дня Васёна, не отдавая себе отчета, зачем делает это, провела в интернете, собирая информацию о бизнесмене Тиханевиче.

Набралось негусто: у шестидесятилетнего Антона Тиханевича не оказалось практически никакой биографии до того момента, как в Беларуси занялся вполне мирным и, очевидно, доходным делом – он владел молочным комбинатом, собственной фермой и довольно большой пасекой. Называлось все это громко: концерн «Мед и молоко», так же как и обширная сеть супермаркетов, куда, по всей видимости, шла основная часть продукции.

– Нет, это все классно, – бормотала Васёна, поправляя пальцем сползавшие с переносицы очки, – но фоторобот-то не его, а брата... а вот по брату ничего, как интересно...

– Стоженикова, ты н-ночевать в офисе б-будешь? – прогремело над головой, и Васёна подскочила в кресле:

– Рома! Ты нормальный вообще?!

– Н-нет! – весело подтвердил высокий блондин в голубой футболке поло и темно-серых джинсах, разворачивая кресло вместе с Васёной к себе. – Я ненормальный, потому что давно мог пить пиво д-дома на диване, но сижу тут смиренно и ж-жду, пока ты закончишь.

– Ну, так и не ждал бы, – буркнула Васёна, страшно не любившая таких вот шуток и сюрпризов.

– Да? А домой ты как п-пойдешь? Темно уже совсем – не з-заметила?

– Что я – маленькая? Да и что тут идти...

– Васька, п-прекрати! Я обещал твоему отцу, что всегда буду за тобой присматривать, когда его нет. С-собирайся.

Роман чуть толкнул кресло, и легкая Василиса пролетела в нем как раз до шкафа, где одиноко болталось на вешалке ее бежевое пальто.

– В-выключаю комп? – спросил Роман, наклоняясь над столом.

– Флешку только вытащи, я там сохранила кое-что, дома почитаю.

– То есть у-ужинать со мной ты не пойдешь?

– А мы договаривались разве? – наматывая вокруг шеи шарф, расписанный головами лошадей и цепями, удивилась Васёна.

– Чтобы поужинать после р-работы, договариваться нет с-смысла. Вот твоя ф-флешка. – Роман протянул ей кожаный футляр. – Так что – идем?

Василиса уже открыла рот, чтобы отказаться, но потом вспомнила, что в холодильнике совершенно пусто, и согласилась:

– Идем. Если честно, я умираю от голода.

– Тогда я б-быстро за курткой, а ты пока д-дверь запри, – распорядился Роман и в три прыжка покинул кабинет.

Рома Васильев был старше Васёны на десять лет, работал в их издании редактором новостей и считался безнадежным холостяком. С отцом Василисы его связывала давняя дружба и несколько командировок в различные горячие точки. В одной из них Роман попал под обстрел вместе с группой армейской разведки, его тяжело контузило, и теперь Васильев довольно заметно заикался, плоховато слышал и страдал припадками вроде эпилептических, но это случалось нечасто – только если что-то волновало Романа слишком сильно.

В это издание его тоже устроил отец Василисы, хотя Роман сопротивлялся – не хотел протекции от именитого коллеги, пусть и друга. Но Владимир Михайлович подвел под это совершенно иную базу: попросил друга приглядывать за дочерью, которая оставалась одна во время его командировок. И хоть Василисе было уже двадцать семь, отец все равно волновался за нее. Он растил девочку один с семи лет. Мать Василисы погибла, и об обстоятельствах ее смерти Владимир Михайлович с дочерью никогда не говорил.

Роман согласился и на самом деле присматривал за Василисой, провожал домой, забежал в гости – и сам не заметил, как почувствовал, что без этой девушки его день становится пустым и каким-то бесполезным, даже если при этом его в буквальном смысле заваливали работой.

Васёна же, казалось, совершенно не понимала и не замечала более чем дружеского отношения к ней со стороны Васильева. Наоборот, ей иногда казалось, что Роман тяготеет своими обязанностями «старшего брата». Ну в самом деле, мог бы после работы пиво пить или с женщинами встречаться, а он провожает ее домой и следит, чтобы поужинала и дверь на два замка закрыла. Правда, пиво Роман не пил, как и вообще любое спиртное: последствия контузии под парами алкоголя давали о себе знать совершенно неуправляемыми всплесками ярости,

и Васильев, столкнувшись с таким пару раз, решил, что не стоит испытывать судьбу. Так что фраза «попить пивка» в его случае означала всего лишь спокойное времяпрепровождение дома.

– Ты чего х-хмурая такая? – спросил он, когда они с Васёной вышли из здания, где размещался офис, и направились в сторону центральной части города.

– Да вот наткнулась тут... и в голове что-то шевелится, а что – не могу понять, – пожаловалась она.

– Н-на что наткнулась?

– Да на фоторобот... даже не фоторобот, а просто снимок черно-белый. И у меня такое ощущение, что я этого человека видела, а вот когда и где – не могу сказать. Понимаешь, не могу вспомнить, хотя чувствую, что точно видела его – вот так, как тебя.

– Ну, Вась, все люди на кого-то п-похожи, может, просто с-совпадение?

– Тогда почему меня это никак не отпускает? Если просто совпадение?

– Да п-просто лицо какое-нибудь н-нестандартное, вот и все, – пожал плечами Роман.

– Лицо-то как раз вполне стандартное... – Васёна полезла в сумку и вытащила сложенный четверо листок – распечатанную статью из белорусского издания. – Сам вот посмотри.

Роман взял листок, развернул и долго всматривался в изображение.

– Ну, ты п-права – лицо совершенно обычное. Можно даже с-сказать – типичное европейское, никаких особых п-примет. И это т-только подтверждает мою теорию: все люди в п-принципе схожи. Ты раньше видела кого-то п-похожего, вот и всё.

Васёна нахмурилась, отобрала у Романа листок и сунула в сумку, пробормотав недовольно:

– Просила ведь – не разговаривай со мной как с ребенком...

– И в м-мыслях не было! – заверил Роман, обнимая ее за плечи и притягивая к себе. – Ты у меня в-взрослая и с-самостоятельная.

– И не у тебя. – Васёна вдруг показала ему язык и, вывернувшись из-под руки, побежала вперед по аллее к кафе: – Догоняй, а то голодным останешься!

Город Вольск, наши дни

– Я не знаю, как теперь жить...

Ева съехала в большом мягком кресле, обхватила себя руками, стараясь унять противную дрожь в теле. Трясти ее начало еще дома, она с трудом собралась и кое-как доехала до кабинета психотерапевта, который, к счастью, всегда находил возможность принять свою давнюю пациентку, если той требовалась его помощь.

– Давай делить проблему на мелкие части, – привычно предложил он, садясь напротив и закидывая ногу на ногу. – Ты ведь помнишь, что любая задача становится более простой, если пытаться решить ее не целиком, а постепенно.

– Но я не понимаю... не понимаю...

– Ева, для начала давай успокоимся. Паника – не выход, она только мешает и нагнетает. Посмотри на меня.

Она с трудом заставила себя поднять глаза и взглянуть в лицо Вадима – они уже давно были на «ты» и называли друг друга по имени, без отчества. Психотерапевт был немногим старше Евы, это почему-то облегчало ей общение.

– Так... молодец. Теперь делай глубокий вдох носом... хорошо, удержи дыхание, а теперь выдыхай через рот. Да, вот так. Еще раз. Задерживай дыхание сколько можешь, только потом выдыхай. Сосредоточься, Ева... Вдох носом, выдох ртом...

Монотонный голос Вадима звучал в голове, и Ева невольно прислушивалась, выполняла команды, чувствуя, как понемногу становится легче, уходит дрожь, перестают трястись руки, а мозг начинает избавляться от панических мыслей. Через несколько минут она совсем расслабилась, выпрямилась в кресле, села свободнее, опустила руки на подлокотники.

– Ну, успокоилась?

– Да... Почему я никогда не могу сделать это сама? Вроде ведь умею, все понимаю, а сама не могу, только с тобой...

– Ты просто ленивая, – улыбнулся Вадим.

– Ага... – согласно кивнула Ева, чувствуя себя намного лучше, чем в момент, когда перешагнула порог кабинета.

– Теперь поговорим конструктивно. Спокойно, без эмоций, рассказывай, что случилось.

Ева снова вдохнула и выдохнула так, как учил Вадим, и довольно ровно произнесла:

– Он может выйти на свободу.

– Откуда информация? – Вадим казался абсолютно спокойным, и Еве, словно подстегнутой этим спокойствием, удалось коротко рассказать о прочитанной утром статье. – Ну, это всего лишь вероятность, правда? Домыслы журналистки, не более.

– Но ведь она почему-то написала это? Значит, у нее есть точная информация из первых рук. Ну, не из первых, а допустим, от кого-то, кто решает такие вопросы.

– Ева, журналистика сейчас такая, что вообще мало чему можно доверять. Ради громкой статьи могут выдумать то, чего вообще быть не может.

– Вадим... ну я ведь не дурочка... Кому в голову придет выдумывать такое? И потом – ты не слышал разве, как вышел недавно на свободу человек, несколько лет державший в подвале двух девушек? Говорили, что он вообще никогда свободы не увидит, а он жив-здоров, даже интервью раздает.

– Не думаю, что Вознесенский может рассчитывать на условно-досрочное. С такими статьями оно просто не предусмотрено.

– Ты меня не услышал, что ли? В деле появились новые обстоятельства!

– На полтона ниже, пожалуйста, – поморщился от ее вскрика Вадим. – Есть официальный комментарий от Следственного комитета?

– Н-нет, – запнувшись, выдавила Ева.

– Тогда вообще не вижу смысла раньше времени паниковать. Любой преступник считает себя невиновным.

– Но Вознесенский так и не признал ни одного эпизода из двенадцати!

– И это не делает его автоматически невиновным, верно? Его же осудили, и улики против него было больше чем достаточно. Ты же сама его опознала – не могла ведь ты ошибиться?

Ева опустила глаза. После прочтения статьи в ней снова всколыхнулись прежние сомнения.

Во время следствия ей начало казаться, что человек, которого ей предъявили для опознания, может быть вовсе не тем, кто напал на нее в утреннем тумане парка. Однако следователь развеял ее сомнения, объяснив, что улики, собранные во время работы по этому громкому делу, не оставляют никаких шансов на то, что Леонид Вознесенский может оказаться не Бегущим со смертью. В его квартире были обнаружены тщательно и аккуратно упакованные в пакеты вещи, снятые с задушенных девушек: нехитрые украшения, заколки, и в каждом – срезанная с головы жертвы прядь волос. Был там и пакетик с сережкой-жемчужинкой и длинной белокурой прядью Евы. Эти неопровержимые доказательства убедили ее, и Ева больше ни в чем не сомневалась.

Она машинально прикоснулась к шраму на мочке левого уха – еще одному вещественному доказательству того, что ей все это не привиделось. Выжила тогда Ева каким-то чудом: пуля попала в печень, но в какой-то момент она из последних сил перевернулась на живот и попавший под бок камень сдавил рану, что уменьшило кровотечение. В таком виде ее и нашел гулявший с собакой парень, вызвавший «Скорую». Он же, по всей видимости, спугнул и маньяка, не успевшего выстрелить еще раз, если тот заметил, что первым выстрелом только ранил свою жертву.

Ей опять повезло: машина примчалась буквально за пару минут, ее сразу увезли в близлежащую больницу и там сделали операцию, перелили кровь. В общем, спасли, и Ева оказалась единственной выжившей жертвой Бегущего со смертью.

Но травмы физические оказались не так страшны, как то, что произошло с ней позже, уже после суда над Вознесенским. Предшествовавшие этому многочисленные экспертизы, допросы, очные ставки и опознания Ева смогла перенести только при помощи сильнодействующих препаратов, иначе сошла бы с ума гораздо раньше. Ей приходилось в деталях рассказывать обо всех мелочах, произошедших в тот день, многие из которых она предпочла бы забыть и не обсуждать ни с кем, а приходилось – со следователем, дотошно выспрашивавшим о подробностях нападения, изнасилования и последующего выстрела. После визитов к следователю она выпивала горсть снотворных и проваливалась в сон, чтобы спустя какое-то время снова окунуться в произошедшее.

После вынесения приговора Ева окончательно потеряла сон и аппетит, перестала выходить из дома, боялась солнечного света, и особенно наступавшего утра, когда за окном видела туманную дымку. Это сразу возвращало ее в тот день, казалось, что она даже ощущает запах влажной осенней листвы, даже если была зима. Откуда-то из глубины подсознания Ева слышала собачий лай, но этот звук ее не пугал, наоборот – внушал надежду на спасение. Так продолжалось полгода, а потом мать, не выдержав, почти силой уволокла дочь в психиатрическую клинику, подписала все документы и оставила ее там.

В стационаре Ева провела почти год, особых сдвигов не было, разве что препараты превратили ее в вечно вялое, совершенно безэмоциональное существо, каждое утро мучительно открывающее глаза и не знающее, как и зачем жить дальше. Из больницы ее выписали, но она возвращалась туда регулярно до тех пор, пока не решила покончить со всем этим кошмаром – попыталась отравиться большой дозой препаратов, щедро выписываемых равнодушным рай-

онным психиатром. К счастью, мать в тот день вернулась с работы раньше и обнаружила Еву, бездыханно лежавшую на полу в кухне.

Ее снова определили в стационар, предупредив мать, что, возможно, Ева никогда не сможет жить нормально и будет вынуждена переехать в какой-то пансионат для душевнобольных, но тут ей опять неожиданно повезло: лечить ее взялся Вадим – молодой, амбициозный и равнодушный ординатор, которому после выяснения подробностей стало отчаянно жалко эту насмерть перепуганную маленькую девушку, которая совершенно потеряла смысл и желание жить.

За годы, проведенные в лечебнице, Ева перестала доверять врачам и надеяться на возвращение не то что к нормальной жизни, а к жизни вообще. Да и в условиях стационара она чувствовала себя более защищенной, чем в собственной квартире, – здесь утренний туман не мог проникнуть в зарешеченное окно палаты, это казалось какой-то гарантией. Так что появление нового врача она восприняла равнодушно: какая разница, кто будет назначать процедуры и препараты?

Однако Вадим Резников оказался совершенно не похож на тех докторов, с которыми Ева имела дело прежде. Он не разговаривал с ней на «ты» и снисходительно-усталым тоном, как делали его предшественники. Он был веселым, улыбчивым, от него так и веяло оптимизмом, что сразу бросилось Еве в глаза и даже заставило в конце первого разговора вяло улыбнуться.

– У вас совершенно очаровательная улыбка, Ева Александровна. Вам нужно делать это почаще, – заметил врач, вставая из-за стола, чтобы открыть Еве дверь.

– У меня нет повода, – сразу сникла она, ссутулилась и, шаркая тапочками, побрела по полутемному коридору к двери, ведущей в отделение.

Ее не сопровождал санитар – Ева здесь считалась тихой, не доставляющей хлопот персоналу, кроме того, ее знали давно, попыток убежать она не делала, так что в кабинет врача могла ходить самостоятельно.

Вадим Резников сумел добиться с ней ощутимых результатов не сразу, но постепенно Ева начала открываться ему, рассказывать о страхах, о том, как не хочет покидать стены больницы и уже морально готова к переезду в пансионат, откуда ей не придется выходить.

– А зачем вам это? – удивился Вадим. – Вы совершенно нормальная, социально адаптированная – к чему вам жить в спецучреждении? В изоляции? Вы по профессии кто, я запомнил?

– Мы об этом не говорили... я вообще-то в педагогическом училась, на преподавателя начальных классов...

– Н-да... – Вадим почесал затылок каким-то совсем домашним, неформальным жестом, и у Евы вдруг немного потеплело на душе: этот доктор разговаривал с ней как с равной, а не как с пациенткой. – Но вам ведь еще совсем мало лет, можно чему-то новому учиться – даже здесь. Давайте так. Вы к нашей следующей встрече подумайте, чем бы хотели заниматься – ну, не знаю, рисование там, вышивка...

– Иголок нельзя здесь.

– Ой, глупости! Вам-то почему нельзя?

– Вдруг проглочу...

– Да бросьте вы себя пугать, Ева Александровна! Проглотит она... Я совершенно искренне считаю, что все, что с вами творится, только лишь последствия сильнейшего стресса. Да, депрессия затянулась, но органических поражений мозга у вас нет. Так что и иголки можно, и даже спицы, если вязать захотите.

Вадим был первым, кто не считал ее психически больной. Эта мысль так поразила Еву, что она невольно заплакала.

– Так, все, берем себя в ручки и выполняем задание, хорошо? – Он чуть сжал ее плечо, и Ева согласно закивала. – Вот и молодец. Мы еще найдем настоящую Еву, вот увидите.

Спустя годы Ева не перестала испытывать к Вадиму глубокую благодарность, как к человеку, разглядевшему в ней не психически больную пациентку, а кого-то другого. Он стал для нее больше чем врачом – он стал человеком, сумевшим разогнать утренний туман с запахом мокрой осенней листвы, опутывавший ее по рукам и ногам все годы после того происшествия.

Москва, наши дни

Колесников нервничал. Его источник не отвечал на звонки, а думать о чем-то другом Тимофей просто не мог. Новая статья не писалась, он бесцельно смотрел в монитор и не видел уже написанных строк.

Раздраженно оттолкнув ноутбук, Тимофей откинулся на спинку кресла, закинул руки за голову и шумно выдохнул. Его очень задело, что какая-то никому не известная провинциальная соплюха пытается заработать на его теме. Его! Он совершенно серьезно считал тот цикл статей и телерепортажей о серийном убийце собственной находкой, только он мог работать в этой теме, только он должен был продолжать писать – если уж там снова было о чем писать.

– Но какого черта молчит Иваныч? – снова набрав номер и выслушав длинные гудки, пробормотал Тимофей. – Если в деле Бегущего появились какие-то новые детали, почему я не узнал об этом?

Ему и в голову не приходило, что его источник мог просто забыть об этом старом, хоть и шумевшем деле. Действительно, столько лет прошло, убийца в тюрьме, сидеть ему еще долго, почему Иваныч должен об этом помнить? Хотя сотруднику отдела по связям с общественностью не могло не быть известно о новых обстоятельствах, если они на самом деле появились.

– Ведь с чего-то же эта курица взяла, что Бегущего могут освободить? Не на ровном же месте, по таким делам условно-досрочного не предусмотрено, – бормотал Тимофей, откладывая мобильный и дотягиваясь до сигаретной пачки.

– Тимоша! – раздался капризный женский голос на лестнице. – Ты чего тут закрылся?

Колесников раздраженно бросил на стол незажженную сигарету.

– Я просил не называть меня так?! – рявкнул он, и вошедшая в кабинет стройная блондинка в длинном шелковом халате обиженно спросила:

– А почему ты на меня кричишь?

– Потому что ты мне мешаешь! Я просил не подниматься на второй этаж, когда я работаю, неужели это так трудно?!

Девушка повернулась и вышла, хлопнув дверью, и Тимофей едва сдержался, чтобы не заорать еще громче.

«Будет теперь ходить весь день с недовольной моськой, – все так же раздраженно подумал он, снова беря сигарету и щелкая зажигалкой. – Почему я вообще ее терплю? Ведь дура же, пустышка! Одни нервы!»

Мила Пестова была девушкой очень красивой и почти такой же глупой, это Тимофей понял почти сразу, с первых минут знакомства. Он увидел ее около трех лет назад в ресторане, где отмечал день рождения, она пришла с кем-то из его друзей, но по окончании шумной и пьяной вечеринки уехала с Тимофеем, а наутро вовсе не торопилась покидать его загородный дом.

Колесников тогда не возражал – ему даже в какой-то момент начало казаться, что Мила подходит ему в качестве подруги: с ней было легко, она прекрасно готовила, всегда хорошо выглядела, смотрела на него снизу-вверх – ей льстило, что такой известный журналист, чье имя мелькает в самых престижных изданиях, а лицо то и дело можно увидеть на голубом экране, обратил на нее внимание.

Но в последнее время Милу словно подменили. В ее мягком, хорошо поставленном голосе начали мелькать капризные нотки, она то и дело намекала, что в ее двадцать восемь пора бы уже иметь какой-то более определенный и весомый статус, чем звание любовницы, что Тимофей слишком много работает и слишком мало внимания уделяет «светской жизни», как она это называла. Ей хотелось чаще бывать на каких-то мероприятиях, куда Тимофей регу-

лярно получал приглашения, на кинопремьерах, которые он терпеть не мог, на музыкальных премиях и прочих сборищах, посещаемых так называемой «богемой».

Но у Колесникова не было на эти походы ни времени, ни желания, ни сил, он соглашался присутствовать только там, где ему лично было интересно, или на мероприятиях, которые никак нельзя было пропустить. Мила же хотела красивой жизни и надеялась, что Тимофей ей это обеспечит.

– Зачем тебе закрытый показ фильмов Феллини? – спрашивал он с издевкой. – Ты ведь даже не знаешь, кто это такой.

– Но там будут актеры, режиссеры, известные люди!

– Забудь. Там будут только нефталиновые любители старой итальянской киноклассики, а меня пригласили в надежде, что я упомяну название элитного клуба, который проводит этот просмотр, в своей передаче или статье. Но я Феллини не люблю.

– Да в этот клуб все хотят попасть! Там вход строго по приглашениям, просто так не попадешь! – настаивала Мила, и Тимофей начинал раздражаться:

– В «Матросскую тишину» тоже сложно попасть – туда не хочешь?

– А что это? – округлив тщательно накрашенные глаза, спрашивала она, и Колесников, только рукой махнув, уходил в кабинет.

Мила ничего не читала, кроме заметок в светской хронике, не интересовалась ничем, кроме модных брендов, и постепенно в результате этого увлечения одна из комнат в загородном доме Тимофея превратилась в гардеробную, где на полках и вешалках хранились обувь, вещи и сумки с громкими иностранными именами на бирках.

Ему иногда казалось, что Мила заболевает и умрет, если вдруг окажется, что крем, который она нанесла на лицо, вовсе не от известной мировой марки, а какой-нибудь корейский или – что вообще не дай бог – отечественный. В ресторанах Мила выбирала только эксклюзивные блюда, даже овсянка, которую она ела по утрам, заказывалась на каком-то специализированном сайте и была в десять раз дороже той, что продавалась в супермаркете, например.

Колесников считал, что девицы такого плана давно канули в Лету, что называется, то есть попросту вымерли – подобное поведение всегда казалось ему отголоском голодного детства, пережитком девяностых, когда люди, ничего прежде не видевшие, вдруг дорывались до денег и возможностей. Но сейчас-то...

Стяжательство Милы носило болезненный характер, но первую пару лет Тимофей не придавал этому особого значения: деньги у него были, тратить их на Милу он мог себе позволить, хотя не очень понимал, зачем одной женщине двадцать пять сумок, например, многие из которых одинаковые, просто выполнены в разных цветах.

Надо отдать Миле должное – при всей своей глупости она ни разу не поставила Тимофея в неловкое положение перед друзьями, ни разу не ляпнула ничего, когда он давал комментарии на каком-нибудь мероприятии, всегда была корректна и очаровательно улыбалась, помалкивая. Тимофей очень ценил в ней это умение не демонстрировать свою недалекость. Возможно, она была не так уж глупа, раз понимала, чего не стоит говорить и в каких обстоятельствах.

Сегодня же Мила просто оказалась не ко времени, да еще с этим идиотским «Тимоша» – именем, которое Колесников с детства терпеть не мог.

– Ладно, потом извинюсь, – пробормотал он, снова набирая номер информатора.

Город Вольск, год назад

– Н-ну, танцуй, п-подруга.

Васильев размахивал над головой каким-то листком, и Васёна, оторвавшись от монитора, посмотрела на него:

– Что это?

– Даже не знаю, с-стоит ли тебе показывать. – Роман снова помахал листком.

– Рома! У меня сроки горят, некогда твои загадки разгадывать.

– С-спорим, ты сейчас вообще обо всем з-забудешь?

Роман положил листок перед ней на стол и отошел к окну, сел на подоконник.

Васёна бросила взгляд на лист и обомлела. Перед ней лежал уже не фоторобот, а совершенно нормальная фотография человека, с лица которого он был составлен. Черно-белый оттиск, с которого прямо на Васёну смотрел симпатичный молодой человек.

– Кто это?

– А ты п-переверни, – посоветовал Васильев.

На обратной стороне обнаружился текст мелким шрифтом, и Васёна с замирающим сердцем начала читать:

– Вознесенский Леонид Витальевич, такого-то года рождения, серийный убийца по кличке Бегущий со смертью. – Она подняла глаза на Васильева. – Ничего не понимаю...

– Ну так п-покопайся, п-поищи, – невозмутимо посоветовал тот, спрыгивая с подоконника и направляясь к двери. – А я сделал все, что м-мог. Обедать п-пойдешь?

Но Васёна отрицательно затрясла головой и ничего не сказала, уже вбивая в поисковик фамилию и имя человека с фотографии.

Чем дальше она переходила по ссылкам, тем страшнее ей становилось.

Дело происходило в их городе двадцать лет назад и поразило Васёну размахом и жестокостью убийств. Жертвами серийного убийцы Вознесенского всегда оказывались молодые женщины от восемнадцати до тридцати лет, совершавшие пробежки или просто спешившие на работу по территории старого заброшенного парка на западной окраине города. Все убийства происходили по одной схеме: Вознесенский выслеживал жертву, нападал на нее сзади, слегка придушивал, насиловал и убивал выстрелом в грудь. У каждой жертвы он непременно забирал какой-то предмет – сережку, заколку, колечко или цепочку, а то и просто выдергивал шнурок из капюшона спортивной кофты, например. И обязательно срезал прядь волос.

Всего жертвами Вознесенского стали двенадцать девушек и женщин, и только одной из них, Еве Александровской, чудом удалось выжить. Ее нашел гулявший с собакой молодой человек, вызвал «Скорую», и врачам удалось спасти пострадавшую. Она же и опознала Вознесенского, что дало возможность следователям спустя год кропотливых поисков все-таки завершить дело и передать его в суд. Вознесенский получил двадцать пять лет – максимальный срок наказания, который отбывал теперь в спецколонию.

– Непонятно только, какая связь между Вознесенским и Тиханевичем, – пробормотала Васёна, отталкиваясь от стола и докатываясь в кресле к стене.

Она перевела взгляд на окно и увидела, что на улице давно стемнело, а она, увлеченная своими поисками, даже не заметила этого, просто машинально включила настольную лампу, когда перестала четко видеть буквы на экране монитора. Настенные часы показывали половину девятого.

– Ого... – проговорила Васёна растерянно. – Это же меня сейчас охрана начнет вместе с креслом выносить...

Она быстро вынула из компьютера флешку, на которую сбрасывала материалы, выключила всю технику и, прихватив пальто, выскочила в коридор. Навстречу ей уже шел дежурный охранник:

– Дома не ждут, что ли? Никого нет давно, а она все сидит и сидит.

– Извините, – пробормотала Васёна, стараясь прошемыгнуть мимо. – Заработалась...

Пожилый охранник только головой покачал:

– Заработалась она... с парнями встречаться надо, а не за компьютером сидеть до ночи. Как домой-то пойдешь, темно уже?

– Да я не боюсь...

– Не боится она... через парк только не шастай, мало ли...

Слова о парке сразу вернули Васёну к прочитанным сегодня статьям.

– Это вы про заброшенный парк?

– А ты в нашем районе другой знаешь?

– Нет... А почему через него ходить нельзя?

Охранник уставился на нее удивленно, а потом, видимо, что-то прикинув в голове, махнул рукой:

– Да ты и знать-то об этом не можешь, конечно... сколько тебе лет тогда было...

– Тогда – это когда? – вцепилась Васёна, предвкушая интересный разговор.

Охранник только вздохнул и снова махнул рукой:

– Да было дело... Топай домой, говорю. А лучше давай-ка я тебе такси вызову.

– Не надо мне такси! – запротестовала Васёна. – Расскажите про парк лучше, а?

– Тебе что, серьезно нечем дома заниматься?

– Нечем! – радостно подтвердила она. – Отец в командировке. А вам наверняка одному тоже скучно, да?

– А я наверняка на работе, мне тут некогда скучать.

– Как вас зовут? – спросила Васёна, и охранник вздохнул:

– Вот липучка... Ну, Игорь Ильич меня зовут.

– А я Василиса. Лучшие просто Васёна – меня так все называют.

– Ты журналистка, что ли? – Он смерил ее недоверчивым взглядом. – Или так – бумажки перекладываешь?

– Журналистка, – кивнула она. – Я криминальную колонку веду, не читали?

– Мне в свое время криминала в жизни хватило – во! – охранник провел ребром ладони по горлу. – Так что я такое, извини, не читаю теперь.

– А почему?

– Потому что опером я был раньше, навидался и бандитов, и потерпевших, совсем теперь ничего об этом знать не хочу.

Васёна почувствовала, как у нее внутри все задрожало от предвкушения. Она вцепилась пальцами в рукав охранника и заканючила:

– Игорь Ильич, дорогой, ну вам ведь все равно тут особенно заняться нечем, пожалуйста, расскажите мне что-нибудь, а? Мне очень нужно!

– Я тебе бабка-сказочница, что ли? – удивленно таращился на нее сверху вниз охранник. – Что я тебе рассказать-то могу, ведь не работаю уже почти двадцать лет!

– Так а мне и надо как раз про двадцать лет назад! Ну очень надо, понимаете? Вы чай любите? У меня в столе есть пачка очень вкусного чая, мой папа такой любит, – бормотала Васёна, чувствуя, что почти уговорила охранника.

– Чай люблю, – кивнул он. – Водку-то на службе нельзя... да ты, поди, и не пьешь крепкое?

– Нет, – радостно призналась Васёна. – Так давайте по чайку, да? Я мигом!

– Ну, в дежурку тогда спускайся, я пока кипяток поставлю.

Она шустро развернулась, влетела в кабинет, быстро нашла в столе пачку чая с вяленой клюквой – и, выскочив в коридор, побежала вслед за удаляющимся Игорем Ильичом.

Город Вольск, наши дни

Разговор с Резниковым немного успокоил Еву, но ненадолго. Каждое утро вновь давалось ей с огромным трудом, и самым мучительным оказался процесс открывания плотных штор на окне в спальне.

Едва прикоснувшись руками к чуть шершавой поверхности материала, Ева чувствовала внутреннюю дрожь. Ей казалось, что стоит только сделать движение руками в стороны – тут же за стеклом она снова увидит его. Бегущего со смертью. И никакие самоуговоры не помогали, не убеждало даже то, что живет она на шестом этаже и при всем желании, даже вышедший на свободу, Вознесенский не сможет возникнуть в оконном проеме.

Таблетки помогали плохо, но увеличивать дозу Резников категорически отказался – считал, что Ева давно научилась справляться с такими состояниями и лишняя химия в организме ей совершенно не нужна.

– Не выдумывай, – говорил он в ответ на ее жалобы. – Ты прекрасно понимаешь, что никакие таблетки не уберут из твоей головы то, что ты себе придумываешь сама. Поэтому – что? Правильно, прекращай думать о том, чего нет и никогда не может быть! Все твои страхи – только плод твоего же воображения. А как мы решили поступать с подобным?

– Рисовать, – вздыхала Ева и, выйдя из кабинета Резникова, направлялась в магазин, где покупала альбом, карандаши и ластик.

Она почему-то всякий раз покупала все новое, предпочитая выбросить остатки после того, как «вырисовывала» свои страхи. Рисунки она отдавала Вадиму, не желая хранить их в своей квартире.

– Когда-нибудь я устрою твою персональную выставку, – шутил он, убирая очередной альбом в шкаф. – Так и назову: «Страхи Евы».

– Там можно будет найти и упечь в стационар пару-тройку скрытых психов.

– Это еще почему?

– Кто нормальный будет на это смотреть? Ну кроме тебя, конечно. Но ведь ты тоже не добровольно, а по работе...

Вадим только улыбался. Он всегда считал Еву очень талантливой и в ее рисунках видел вовсе не то, что казалось тем, кто видел их впервые. Ева рисовала себя – то, что было у нее внутри, а вовсе не тех монстров, что терзали ее вот уже много лет.

– Типичная шизофрения, – сказал как-то коллега, просматривая альбом. – Неужели ты этого сам не видишь?

– Нет у нее никакой шизофрении. Ее в свое время просто залечили чуть не до смерти. Неправильная терапия, понимаешь? Тоже все под шизофрению подгоняли. А у нее просто была сильнейшая депрессия на фоне пережитого. Но кто двадцать лет назад в это вникал? Так и сгубили девку. А она талантливая была... могла бы, кстати, в школе работать, училась ведь. Но куда – с таким-то послужным списком.

– Ты, Резников, столько лет в профессии, а все такой же романтичный юноша, как после выпуска. У твоей Александровской наверняка была шизофрения и до того, как с ней все это случилось, только латентная, без симптомов. А нападение просто раскрыло ее. Раньше или позже она все равно бы проявилась, ты ведь должен это понимать.

Но Вадим не был согласен с этим. Он действительно никогда не считал Еву больной, он видел в ней сломленного обстоятельствами и бездушным отношением врачей человека, который вот уже столько лет отчаянно пытается цепляться за нормальную жизнь – насколько это возможно в ее ситуации.

Еву не брали на работу – никуда, даже мыть полы, едва только узнавали о том, что она лечилась в стационаре. Она даже думала уехать куда-то, чтобы начать все сначала, но потом

поняла, что в чужом городе, совершенно без связей, ей наверняка очень быстро станет хуже, и тогда даже помочь ей будет некому, потому что Резникова рядом не окажется. И она смирилась.

Сегодня Ева собиралась на кладбище к матери. У отца могилы не было, он пропал без вести в середине девяностых, и тот факт, что они с матерью вообще остались живы и даже сохранили небольшую квартиру, можно было вполне считать чудом.

Отцу Евы принадлежал один из двух крупных банков в городе, и на тот момент он считался самым богатым и влиятельным человеком в городе. У маленькой Евы были няня и личный водитель, огромная комната в загородном доме, обставленная сказочно красивой мебелью, которую отец выписывал из Италии, множество игрушек и любимые куклы. Ее одевали как принцессу, и отец в редкие моменты выходных так ее и называл: «моя принцесса», катал на специально для Евы купленном пони по огромной территории вокруг дома, а иногда устраивал для нее показы мультфильмов в большом домашнем кинотеатре, смотрел их вместе с ней и радовался как ребенок.

Сказка закончилась мгновенно. В банк отца вложил деньги местный криминальный авторитет, а один из заместителей решил, что отдавать эту сумму банк не будет. Заместителя нашли с пулей во лбу через неделю где-то за городом, а отцу выставили условие: вернуть деньги с большими процентами и выплатить штраф в таком же размере.

Как ни старался Александр Петрович, но таких денег собрать не смог. Он понимал, что нужно спасти жену и дочь, но вывезти их за границу не успел – его затолкали в машину прямо возле здания банка и увезли в неизвестном направлении.

Еву и ее мать долго перевозили с одной квартиры на другую сотрудники милиции, охраняли круглосуточно. Они потеряли все: сбережения, загородный дом, банк – но жизнь все-таки сохранили, а в банковской ячейке на имя матери обнаружили документы на небольшую квартиру на западной окраине города. Там они и жили тихо, как две мышки.

Матери пришлось снова выйти на работу, и теперь только ленивый не усмехался презрительно, глядя на то, как жена банкира Александровского выдает карточки в районной поликлинике: врачом ее не взяли. Ева окончила школу и поступила в педагогический институт, казалось, что жизнь наладилась, и тут на ее пути в буквальном смысле возник Бегущий со смертью – и все опять покатило под откос.

Мать умерла, когда Ева в очередной раз лежала в больнице, заколотая до овощного состояния сильнодействующими препаратами. Ее даже на похороны непустили, и впервые на могилу Ева попала только через полгода. Теперь она старалась приезжать хотя бы пару раз в год, словно искупая вину за то, что не была рядом, когда мать умирала, хотя батюшка из кладбищенской церкви не раз говорил, что такой вины не существует.

У отца могилы не было вообще, и, сидя на лавочке рядом с могилой матери, Ева старалась убедить себя, что и он тоже упокоился здесь, рядом с любимой женой. В такие моменты Ева чувствовала себя одинокой как никогда.

Москва, наши дни

Колесников ехал на встречу со своим информатором из Следственного комитета. Вызвать его не удалось, но Тимофей знал, где тот любит обедать, а потому решил нагрянуть в кафе лично. Его очень беспокоило молчание информатора, он платил тому хорошие деньги и всегда рассчитывал на свежую информацию, которую, собственно, и получал до сегодняшнего дня.

– Что могло случиться? – бормотал Тимофей, медленно двигаясь в пробке по Садовому: где-то впереди произошла авария, но он не успел вовремя свернуть и теперь вынужден был терять время. – Вот будет номер, если его сняли...

Полковник Иванютин, или просто Иваныч, «сидел на зарплате» у Колесникова еще с тех пор, как только пришел работать в службу по связям с общественностью. Они были знакомы сто лет, Иваныч часто приезжал к Тимофею за город, парился в бане, любил ходить в ближайший лесок за грибами. Информацию поставлял исправно, и выходило, что Колесников оказывается в курсе всех громких дел куда раньше остальных коллег. Его программа на одном из телеканалов всегда имела хорошие рейтинги, а собственный интернет-портал привлекал много читателей и хорошо цитировался. Платил Иванычу Тимофей исправно, в общем, дружба была взаимовыгодной.

Добравшись наконец до кафе, где всегда обедал Иванютин, Тимофей кое-как припарковал машину и бросил взгляд на часы – в его распоряжении оставалось минут пятнадцать, не более.

Быстрыми шагами он вошел в кафе и остановился, окидывая зал взглядом.

Иванютин сидел на своем любимом месте – у большого панорамного окна, и перед ним уже стояли чашка кофе и стакан минеральной воды: полковник отобедал и вот-вот полезет в карман за карточкой.

– Позволь мне. – Тимофей опустился на стул и вынул портмоне.

– О, Тимоха, – удивленно проговорил Иванютин. – А ты как тут?

– Ну, знаешь ведь пословицу про гору и Магомеда?

– И кто из нас кто?

– Хорош прикидываться, Иваныч. Что произошло? Я с утра все твои телефоны оборвал – в чем дело?

– Я с утра на брифинге был, не до звонков.

– А потом?

– И потом были дела, – отрезал Иванютин, отодвигая чашку. – У меня, если знаешь, повыше тебя начальство имеется, и вот оно хочет результат от работы.

– Я плачу тебе достаточно, чтобы тоже хотеть результат.

– Ну нет пока ничего интересного.

– Да? А про возможный пересмотр дела Бегущего со смертью что скажешь? Не так интересно? – вскинулся Тимофей, которому очень не нравилась новая манера поведения полковника.

– Нет никакого пересмотра. Что там пересматривать – двенадцать доказанных эпизодов и одиннадцать трупов? Какой идиот вообще будет что-то там пересматривать? – удивился Иванютин.

– Тогда что вот это? – Тимофей вынул из кармана пиджака сложенные вчетверо распечатки статьи, прочитанной им утром. – И между прочим, это уже вторая статья на эту тему за год!

Иванютин взял их, полез за очками, быстро пробежал глазами текст и, снова сложив листки, протянул Колесникову:

– Чушь.

– Там в уголке количество просмотров – не обратил внимания? И это только за утро! – тихо рявкнул Тимофей. – А если учесть еще разницу во времени, то сейчас там наверняка...

Но Иванютин перебил:

– Я в вашей кухне не разбираюсь! Ты спросил – я ответил, нет никакого пересмотра дела, даже разговоров нет, я бы знал! Если у тебя все, то мне пора.

– То есть вот так возьмешь и уйдешь?

– Тима, что ты хочешь? – наклонившись над столом, негромко спросил Иванютин. – Я ответил на твой вопрос, что еще?

– Узнай все поточнее.

Полковник выпрямился и покачал головой:

– У тебя что – какие-то проблемы? Иначе с чего бы ты начал откапывать мертвое дело двадцатилетней давности? Совсем исписался, решил о прежней славе вспомнить?

– Слышишь, ты... – начал закипать Колесников, но полковник положил руку ему на плечо, придавил обратно к стулу и произнес:

– Полегче! Посиди тут, кофейку вон выпей, подыши... Если будет что-то, сообщу, я наш договор помню. Но голос на меня не повышай, запомни это.

Он развернулся и пошел к выходу, а Тимофей, словно уронив что-то тяжелое и почувствовав облегчение, откинулся на спинку стула и поманил рукой официанта.

После встречи с Иванютиным у Тимофея остался какой-то мерзкий осадок, особенно после вскользь брошенного им «исписался». В глубине души Тимофей именно так себя и чувствовал – выжатым, опустошенным, не способным написать или снять что-то такое же громкое, как тот пресловутый цикл статей о серийном маньяке из провинциального города. За всю последовавшую карьеру ему так большие и не подвернулось ничего подобного. Да, Колесников умудрялся остаться на плаву, хорошо зарабатывал, но такого профессионального подъема, как в молодости, уже не ощущал.

Командировку в город Вольск он тоже тогда получил скорее случайно: главред газеты, в которой трудился Тимофей, был близким другом его отца, известного в советское время писателя.

И вот там Колесников развернулся. Он был молод, хорош собой, легко входил в доверие к кому угодно, общался просто, проявлял заинтересованность – словом, нравился почти всем, с кем работал. Кроме того, Тимофей обладал прекрасным слогом, доступно, но не примитивно излагал свои мысли на бумаге, и его статьи пользовались повышенным интересом у читателей.

Да и с темой повезло, конечно – написать о таком громком деле мечтали многие журналы, и местные, и столичные. Но лучше Тимофея этого не смог сделать никто.

В Москву он вернулся уже известным человеком, получил предложения о работе от нескольких крупных изданий и даже одного телеканала, предложившего сделать цикл телевизионных репортажей. Это предложение и дало толчок дальнейшему успешному развитию карьеры журналиста Колесникова.

Цикл передач о серийном убийце, которого с легкой руки Тимофея теперь все называли Бегущим со смертью, вызвал бурную реакцию у зрителей, Тимофея начали узнавать на улице, у него брали автографы, как у настоящей «звезды», его приглашали на телепередачи – словом, благодаря убийце-серийнику Колесников превратился в популярного и узнаваемого человека с прекрасными гонорарами и огромными возможностями.

Потом, конечно, были другие расследования, другие герои, но такого успеха, как с Бегущим со смертью, Колесников уже добиться не смог. И теперь выходило, что полковник Иванютин в чем-то прав: Тимофей просто хотел собрать осколки былой славы и вновь оказаться на вершине, чтобы снова испытать те восхитительные чувства, что пережил в юности. А какая-то провинциальная девчонка посмела покуситься на его золотую жилу, и этого терпеть Тимофей

не собирался. Он решил полететь в Вольск и выяснить, что же произошло на самом деле и как эта Стожникова сумела раздобыть информацию – если таковая вообще имелась.

Город Вольск, год назад

В небольшой комнатке, заставленной мониторами видеонаблюдения, кипел чайник. Васёна сидела на раскладушке, заправленной темно-серым одеялом, а Игорь Ильич заваривал чай в большой алюминиевой кружке.

– И не скучно вам тут – одному? – спросила Васёна, принимая из рук охранника стакан, в который он налил чай для нее.

– Привык. Я уже десять лет один, с тех пор, как жена ушла, – усаживаясь в крутящееся кресло, ответил Игорь Ильич.

– А-а...

– А ты, значит, с отцом живешь? А мать где же?

– Мама погибла, когда мне было семь лет.

– Тяжело, наверное, мужику-то одному было девочку растить... – со вздохом проговорил охранник.

– Не знаю, наверное... С нами бабушка жила, мамина мать. Папа же военный корреспондент, он постоянно куда-то уезжал.

– Погоди-ка... – вдруг чуть подавшись вперед и всматриваясь в ее лицо, сказал Игорь Ильич. – Ну-ка, вправо посмотри... ага... То-то я и думаю, почему мне твое лицо кажется знакомым... Ты дочь Владимира Стожникова, да?

– Да. А вы папу знаете?

Он как-то странно на нее посмотрел, медленно кивнул:

– А мать, говоришь, погибла?

– Да. Но я не знаю, как это произошло, папа никогда не говорил. Я пыталась у бабушки спросить, но та сразу плакать начинала, так что я боялась лишний раз заговаривать.

Васёна поежилась, сделала глоток чая. Охранник продолжал смотреть на нее каким-то странным взглядом, полным не то сочувствия, не то грустного удивления:

– А зачем ты меня про парк начала спрашивать?

– Живу рядом. Но бегать там мне папа никогда не разрешал, мы с ним всегда по набережной с утра пробежки совершаем, хотя парк ближе намного.

– Можно понять... – бормотнул Игорь Ильич, обхватив свою кружку рукой. – Я в то время опером работал, аккуратно в бригаде по расследованию этих убийств в парке и пришлось ковыряться. До сих пор не могу вспоминать – потом не сплю. В общем-то во многом из-за этого дела я и уволился, не мог на работу ходить. Страшно это – когда молодой парень запросто девочку жизни лишает, да еще так жестоко...

– Так вы, значит, видели этого Бегущего со смертью? – Васёна передвинулась на самый край раскладушки, и конструкция слегка скрипнула.

– Я на задержание выезжал.

Васёна полезла в сумку, вынула листок, который принес ей утром Васильев, и протянула охраннику:

– Вот это – он?

Игорь Ильич бросил на листок беглый взгляд и отвернулся:

– Он... я эту морду век не забуду. Во время обыска так нахально держался, отрицал все. Я еще подумал: как можно спокойно по ночам спать, когда в комнате хранишь отрезанные волосы тех девочек, которых изнасиловал и убил потом? Волосы, безделушки какие-то – и все в пакетиках, аккуратно так...

Васёна тоже почувствовала, как ее накрывает волна страха: каким же бесстрастным и жестоким должен быть человек, спокойно срезающий прядь волос у только что убитой им жертвы?

– А... у него семья была? – почему-то спросила она, и охранник кивнул:

– Была, как не быть. Мать, когда услышала, в чем сынка обвиняют, так на пол и повалилась, никогда не думал, что доведется увидеть, как человек мгновенно умирает. Сердце не выдержало... Да и то, если подумать, это ужас ведь ужасный: родной сын оказался маньяком и серийным убийцей... Она его родила, вырастила, в макушку чмокала, наверное, а он... – Игорь Ильич махнул рукой и вытащил пачку сигарет: – Не возражаешь?

– Курите... папа все время курит, я привыкла.

Охранник затянулся сигаретным дымом, помахал рукой перед лицом, разгоняя сизое облачко:

– Отец его даже на суд не пришел, боялся на улице показаться – народ обозленный был, прохода не давали. Уехал потом куда-то, не выдержал позора, и дочку младшую забрал, той лет десять, кажется, было или около того.

– А кем он работал, не помните?

– Кажется, в заводууправлении... но точно не помню, врать не хочу.

Васёна наморщила лоб. Заводов в их городе было три, два из них работали до сих пор, хоть и сменили нескольких хозяев, а вот один так и развалился в начале двухтысячных, и его полуразрушенные корпуса только пару лет назад начали приводить в порядок, собираясь построить большой развлекательный центр с аквапарком и площадками для роллеров. В принципе ей было неважно, на каком именно заводе трудился отец серийного убийцы, но почему-то не давала покоя фамилия «Тиханевич».

– Скажите, Игорь Ильич, а фамилия Тиханевич вам нигде не попадалась?

– Тиханевич? Нет, вроде не слышал. А кто это?

– Бизнесмен из Беларуси, торгует молоком и медом с собственных ферм, а раньше вроде как жил в России, но чем тут занимался – я не смогла узнать, вообще никакой информации нет. А фоторобот Вознесенского всплыл вместе со статьей о Тиханевиче в минском издании, вот я и заинтересовалась. Мне показалось, что я уже видела это лицо, но теперь понимаю, что вряд ли – скорее всего, просто похож на кого-то, – вздохнула Васёна.

– Погоди... как это – в Беларуси, с чего?

– Не знаю... там статья была о том, что в доме этого бизнесмена нашли незарегистрированный пистолет.

– Пистолет... – повторил охранник, потерев пальцами переносицу. – Пистолет, пистолет... А фоторобот, говоришь, тоже там был?

– Да. Объявили в розыск брата этого Тиханевича.

– Вообще ничего не понимаю. А Вознесенский-то при чем тогда?

– Вот и я не знаю. Мой приятель где-то нашел эту фотографию, что я вам показала, и это оказался Леонид Вознесенский, но какая связь между ним и Тиханевичем, я до сих пор не могу понять. Может, просто в минской статье вместо реального фоторобота случайно поставили этот, бывают же ошибки...

– Пистолет, пистолет... – снова пробормотал охранник. – А знаешь что? Ведь пистолет тогда у Вознесенского так и не нашли. Нож – да, нашли, шел как веицдок, орудие преступления, он этим ножом волосы срезал у жертв, но пистолета не было. Перерыли все, а не нашли. Да и Вознесенский категорически все отрицал – ну он вообще ни в чем не сознавался, так что на его слова никто особенно и не рассчитывал. Но мы землю копали – в буквальном смысле слова, а пистолета так и не нашли.

– И вы думаете...

– Нет, я ничего не думаю. Столько лет прошло... пистолет, скорее всего, уже заржавел где-нибудь на дне реки, а это все – просто совпадение и ошибка, как ты и сказала. А вообще... не копалась бы ты в этом деле, девочка, – вдруг серьезно произнес Игорь Ильич. – Ты еще молоденькая, к чему тебе такие ужасы...

– Ну, я вообще-то специализируюсь на криминальных новостях, – слегка обиделась Васёна и поправила очки.

– Вот и специализируйся, кругом такого полно. Но послушай моего совета: не трогай дело о Бегущем со смертью, будет очень плохо. А сейчас давай-ка я тебе такси вызову – ночь уже, как пойдешь-то? – И он решительно вынул из ящичка стола мобильный телефон.

Город Вольск, наши дни

В этом банке Еву давно знали в лицо. Она приходила примерно раз в пару месяцев, шла в помещение с ячейками и проводила там не больше пяти минут. Здесь, конечно, никто не знал, что эта старающаяся не привлекать к себе внимания миниатюрная женщина могла быть владелицей этого банка, если бы все в ее жизни сложилось иначе. Но сейчас даже ее фамилия ничего не говорила сотрудникам, потому, возможно, никто особенно и не обращал внимания на эти регулярные визиты.

Ева же ходила в банк с единственной целью – в ячейке, арендованной на ее имя, хранилась коллекция очень дорогих ювелирных украшений, которую отец сумел сохранить, а мать не решилась трогать, потому что он категорически объявил ей, что все это принадлежит Еве и только она сможет распорядиться золотом, бриллиантами и платиной, когда станет взрослой.

Теперь коллекция, которую с любовью собирал для нее отец, помогала Еве элементарно выживать. Она продавала что-то и этими деньгами оплачивала квартиру, на них же покупала необходимый минимум продуктов и жила до того момента, как деньги заканчивались.

Она с удовольствием устроилась бы на работу, но никуда не брали. Ей очень хотелось работать с детьми, но об этом вообще не могло быть речи, даже няней устроиться она не смогла бы, имея за плечами такой «пробег» по психиатрическим стационарам.

Еве иногда становилось очень страшно: рано или поздно ее запасы подойдут к концу, и что делать тогда? Она попробовала обратиться в службу занятости, но там после пары вопросов ей отказали, сославшись, конечно же, на ее психическое нездоровье.

Оспаривать это она не могла – слишком много документальных подтверждений, а слова и уверенность Резникова совсем ничего не значили для официальных структур, хотя много значили для самой Евы. В мире был хотя бы один человек, который не считал ее душевнобольной, и это поддерживало Еву.

Она стала ловить себя на том, что все чаще рисует и в этих рисунках постоянно одно и то же: человек, собака, пистолет в вытянутой руке, но эта рука существует как бы отдельно от всего рисунка и не имеет отношения к человеку с собакой. Даже цветом она отличалась от общей композиции – была угольно-черной, а все остальное – серым, как в тумане. И эта нарисованная рука преследовала Еву в снах, слишком уж реалистично выходила на рисунках, впечатывалась в мозг, и этот образ потом не отпускал. Пить снотворное Ева боялась, вообще старалась не принимать лишних таблеток, да и Вадим советовал справляться с бессонницей при помощи дыхательных упражнений или долгих вечерних прогулок.

Гулять вечером Ева совершенно не боялась, не чувствовала никакой опасности от пустых улиц, от редких встречных прохожих. Она всегда боялась утра.

Визиты к Резникову стали ежедневными – третью неделю она не находила себе места, каждое утро подолгу рыскала в интернете, выискивая новые упоминания о пересмотре дела Бегущего со смертью, но ничего не находила. Это должно было успокаивать, но происходило наоборот: отсутствие новостей казалось самой страшной новостью, от которой все внутри холодело.

– Я тебя не понимаю, – спокойно и размеренно говорил Вадим, сидя в кресле напротив нее. – Раз новостей нет, значит, и не происходит ничего.

– Ты не понимаешь. – Ева съеживалась и обхватывала себя руками. – Скорее всего, об этом деле просто запретили писать... пока... Ведь тогда, в самом начале, этот журналист из Москвы... ну, ты ведь смотрел, читал – ты же сам мне говорил, помнишь?

– Ева, успокойся.

– Как?! Ну скажи, как я могу теперь успокоиться?! Я окно утром открыть боюсь, я все время руки эти дурацкие рисую! – выкрикнула она и снова съежилась, забилась в кресло, словно старалась сделаться как можно незаметнее.

– Когда кричишь, становится легче?

Она зажмурила глаза и отрицательно замотала головой:

– Нет... я не могу кричать, у меня в горле как будто ком какой-то встает – и все, даже дышать тяжело становится... Я иногда думаю: вот пошла бы в лес, встала где-нибудь на поляне, голову запрокинула бы и кричала до тех пор, пока силы не кончатся... а не могу, понимаешь? – Она открыла глаза, лихорадочно заблестевшие и увлажнившиеся слезами. – Я ведь пробовала... несколько раз пробовала, в лес уходила – и все... стою, как дура, на поляне, рот открыла – а крика нет, и дышать не могу совсем... И потом так противно, словно... словно... – Она заплакала, уронив голову на подлокотник кресла.

Вадим слушал не перебивая. За те долгие годы, что лечил Еву, он сумел неплохо ее узнать. Иногда Резников думал: а какой она могла бы быть, если бы не то злополучное утро в парке, что разделило ее жизнь на две неравных части? На ту, где Ева была счастлива, и на ту, в которой находилась теперь...

Однако во время какого-то из сеансов она вдруг начала рассказывать об отце, и Вадим понял, что счастлива Ева была только в раннем детстве, когда единственный мужчина, которому она доверяла, называл ее принцессой, баловал и окружал заботой и любовью. И с момента его исчезновения у Евы никогда и никого больше не было. А потом случился Вознесенский – и все, в ее голове навсегда образ любого мужчины оказался крепко связан с негативными эмоциями, болью, кошмарами и страхом.

Ева была очень одинока, у нее не имелось подруг, мать умерла – словом, человек остался в буквальном смысле слова один на один со своими проблемами. Вадим помогал ей чем мог, но старался все-таки не переступать грань, отделяющую психиатра и пациентку друг от друга. Он опасался, что Ева воспримет его помощь как намек на что-то большее и это очень осложнит и жизнь, и дальнейшую работу. Но со временем он вдруг понял, что не вызывает у нее никакого интереса как мужчина. Возможно, это были последствия огромных доз препаратов, которыми ее глушили много лет в больницах, а возможно, она тоже не допускала мысли о том, что между ними могут возникнуть отношения иного рода. То, что было сейчас, устанавливалось годами и теперь устраивало обоих, так к чему нарушать это равновесие?

Но рисунки Евы его настораживали. И сегодняшнее признание в том, что она испытывает потребность выплеснуть из себя накопившееся, но никак не может.

«Я зашел в тупик, – думал Вадим, глядя с жалостью на плачущую в кресле Еву. – Нужен какой-то толчок, что-то такое, что поможет ей хоть немного освободиться, хоть чуть-чуть сдвинуться с этой точки. Но я даже приблизительно не представляю, что это может быть».

Москва, наши дни

– Я не понимаю...

Мила сидела на краю кровати и растерянно наблюдала за тем, как Тимофей скидывает в небольшой чемодан вещи.

– Чего ты не понимаешь? – Он повернулся к комоду, где стояли флаконы с его туалетной водой – у Милы для подобных вещей в гардеробной была целая полка.

– Ты еще утром никуда не собирался, а сейчас упаковываешь вещи... да еще берешь с собой эту невыносимую вонь! – Она встала и отобрала у Тимофея флакон, который тот не глядя взял с комода и собирался положить в косметичку к пене для бритья и зубной щетке.

– А что тебя больше удивляет: мой выбор туалетной воды или то, что я собрался в командировку?

– Тим! Ну я ведь серьезно... послезавтра день рождения владельца канала, мы приглашены на банкет, а теперь...

– А теперь ты можешь поехать туда одна, я не возражаю. А владелец в курсе, что я срочно вылетаю в Вольск. – Тимофей критически осмотрел содержимое чемодана, прикидывая, все ли необходимое собрал, и закрыл его. – Так что не вижу проблемы, Милуша.

– Но... как я буду выглядеть, если приеду на банкет одна?

– Выглядеть ты будешь прекрасно, как всегда, – рассмеялся Тимофей, подходя к ней и обнимая за талию. – купишь себе новое платье, туфли... съездишь в салон красоты... в общем, займешься всем, что так любишь, а потом поедешь в ресторан и будешь общаться с людьми, которые мне лично противны, но тебе почему-то приятны, только и всего. А я в это время буду работать. Каждому свое.

– Но почему непременно нужно куда-то лететь?

– Потому что тема моего расследования – там. И я должен все как следует разнюхать, понимаешь? Если все, что я узнал, правда, то у меня в руках реальный шанс снять убийный репортаж. Даже не репортаж – целый документальный фильм можно будет сделать, понимаешь?

По глазам он видел, что не понимает. Да она вообще мало что понимала в его работе, ее это интересовало только в связи с количеством приглашений на модные мероприятия, а то, что иной раз Тимофей ночами не спит, буквально по строчкам вымучивая новый материал или сценарий для передачи, Мила, конечно, предпочитала не замечать.

Иногда Колесников начинал смотреть на женщину рядом с собой трезвым взглядом и даже подумывал расстаться, но потом, взвесив все «за» и «против», остывал. Спутница ему была необходима: какие-то протокольные мероприятия он игнорировать не мог, и там чаще всего рядом нужна была дама, а Мила в этом плане подходила идеально. При всей своей недалекости и какой-то дремучей необразованности (что, конечно, довольно странно для девушки, окончившей, по ее словам, институт искусств где-то в провинции) Мила умела так изящно и многозначительно молчать, что у собеседника складывалось впечатление о ее напряженной внутренней жизни, о наличии глубоких мыслей, делиться которыми она просто не хочет.

Мила нравилась его друзьям, умела не выставлять Тимофея в неприглядном свете, напротив – если уж ей приходилось что-то говорить, то темой всегда был Колесников и то, как он умен, талантлив и гениален. Словом, Мила была образцовой содержанкой во всех смыслах этого слова и поддерживала имидж Тимофея, а большего он от нее и не требовал. Кроме того, она была очень хороша в постели, и это тоже являлось несомненным плюсом. Так что менять шило на мыло Колесников не спешил. А поговорить... ну, разговоров ему хватало и на работе.

– Может быть, я поеду с тобой? – вдруг произнесла Мила, обвивая его шею руками, и Тимофей от неожиданности даже вздрогнул:

– Что?! Куда ты поедешь?

– С тобой, – повторила она. – Я хочу полететь с тобой в этот Вольск, что тут странного?

– Это не то чтобы странно, это даже как-то глупо – лететь со мной в провинциальный город, о существовании которого ты наверняка услышала только что.

– Ты в этом уверен? – прищурилась Мила. – Может, я всю жизнь мечтала там оказаться... Ну что тебе стоит взять меня с собой, а?

– Дорогая, да ты с ума сошла! – расхохотался он, подхватывая Милу на руки. – Это тебе не отель «пять звезд», не европейский курорт, даже не турецкое побережье – это провинциальный город, где всего пара хороших гостиниц. Там совершенно другой уровень сервиса, другой уровень жизни, там никто тебе с утра овсянку любимой фирмы искать не станет.

– Ты так говоришь, как будто я родилась и жила в царских хоробах! – вдруг огрызнулась Мила и потребовала: – Отпусти!

Тимофей удивился еще сильнее:

– В каком смысле?

– Поставь меня на пол! Я иду спать!

Он выполнил требование, и Мила, развернувшись, быстрыми шагами покинула комнату, на ходу прихватив лежавший в кресле плед. Тимофей услышал, как она спускается вниз, и понял, что девушка действительно пошла спать, причем в гостевую спальню на первом этаже.

– Интересно, чем это я так ее зацепил? – пробормотал он, очень удивленный таким поведением.

Мила никогда не рассказывала о своей прошлой жизни, только упомянула вскользь, что мать давно умерла, а отец живет где-то на Севере, но названия города Тимофей никогда не слышал. Он даже паспорта ее толком не видел, даже в голову не приходило что-то в нем рассматривать.

– Да и черт с тобой, дуйся, – пробормотал Колесников, сбрасывая покрывало с большой кровати прямо на пол. – Мне вставать в безумную рань, а я должен под твои капризы подстраиваться...

Он уже почти заснул, когда на тумбочке рядом брякнул мобильный – пришло сообщение.

Протянув руку, Тимофей увидел банковский отчет о потраченной сумме. Мила заказала очередную дорожную сумку.

Город Вольск, год назад

Васёна потеряла покой, сон и аппетит. Задавшись целью выяснить связь между убийцей Вознесенским и бизнесменом Тиханевичем, она постоянно сидела в интернете, все глубже зарываясь в чужие жизни. И если с Вознесенским все было более-менее понятно, поскольку даже большой телевизионный цикл о расследовании серии убийств был снят одним московским телеканалом, и это не считая многочисленных статей, то вот биография Тиханевича казалась ей абсолютно странной.

Материалов о нем нашлось крайне мало, можно сказать – совсем ничего, только какие-то белорусские издания, а в России о нем как будто и не знали, хотя Васёна нашла упоминания о том, что родился и жил до начала нулевых бизнесмен именно здесь. Но кем был, чем занимался – оставалось тайной.

– Ну так ведь не бывает... Он же не мог начать что-то делать только в Минске, почему-то же он именно там оказался? – Она сняла очки и зажмурилась – в глаза словно горсть песка бросили, рука произвольно потянулась к верхнему ящичку стола, где всегда хранился пузырек с хорошими глазными каплями, снимавшими такие неприятные проявления «излишнего трудоголизма», как называл это отец.

Препарат принес небольшое облегчение, Васёна отодвинулась от стола и вспомнила, что сегодня еще ничего не ела. У нее был выходной, и, проснувшись утром и совершив традиционную пробежку, она сразу же уселась за стол в отцовском кабинете и погрузилась в поиски информации. Ей казалось, что она не так много времени провела за этим делом, однако часы на столе демонстрировали обратное – было уже почти семь часов вечера.

– Ого... – пробормотала Васёна, для верности взяв тяжелые бронзовые часы в руку и поднося к глазам. – Однако... То-то я и думаю, а чего это так подташнивает...

Выбравшись из-за стола, она уныло побрела в кухню. Готовить Василиса не любила и не особо умела. Раньше этим занималась бабушка, потом, конечно, пришлось самой, но Васёна предпочитала обходиться либо походами в кафе, либо просто доставкой готовой еды. Когда возвращался отец, устраивал настоящие пиришества – вот уж кто был фанатом кулинарии во всех ее проявлениях. Ему нравилось стоять у плиты, пробовать какие-то новые вкусы, он умел готовить и национальные блюда тех мест, куда чаще всего ездил в командировки.

– В кого ты у меня такая безрукая, Васёна? – спрашивал он со вздохом, наблюдая за тем, как единственная дочь не может нормально очистить от шелухи луковицу. – Кто тебя замуж-то возьмет, а? Разве что Ромка Васильев – ему тоже все равно, что в рот тащить, так и будете на пару в столовку бегать.

– А мы и бегаем, – радостно сообщила дочь, заклеивая пластырем порез на пальце.

– Даже не сомневаюсь, – снова вздыхал Владимир Михайлович.

Но Васёна никогда не переживала по поводу отсутствия у себя кулинарных талантов, ей хотелось добиться признания в профессии, а не получить звание образцовой домохозяйки. К счастью, в современном мире уже можно было позволить себе не травиться собственной невкусной едой, а заказать что-то более приятное с доставкой, чем она и пользовалась.

Приобщившись в очередной раз к благам цивилизации, Васёна уселась у окна ждать доставщика с заказом, попутно просматривая распечатанную статью из очередной минской газеты.

«Надо бы, конечно, найти какой-то источник в правоохранительных органах – не тот, что у меня сейчас есть, а кого-то с возможностями побольше».

Ее источник – одноклассник Лешка Карамышев, работавший в одном из районных отделений полиции, – мог, конечно, немного, но материал для заметок подбрасывал регулярно, а

на большее его скромного звания и должности пока не хватало, но Васёна была благодарна и за это.

– Тебе, дочь, не хватает солидности, – шутил отец. – Ну, сама посуди: кто такую пизгалу всерьез воспринимать будет? Уж точно – не пресс-служба городского управления, не говоря уж об области.

– И что теперь – из-за внешности амбиции свои куда-нибудь засунуть? Что ж вы с мамой меня такую родили-то? Ты вон почти два метра, красавец, мама, наверное, тоже была не из последних... какая-то странная комбинация генов вышла, не кажется тебе?

При упоминании о матери отец всегда мрачнел, замыкался и сворачивал разговор, какой бы темы он ни касался. Он никогда не спрашивал у Васёны, помнит ли она маму, как будто боялся, что ответ окажется отрицательным. Маму она действительно не помнила совсем – то есть не могла представить ее четко, все больше в памяти возникал размытый силуэт, длинные вьющиеся волосы, почему-то всегда белое платье с широкой длинной юбкой и... запах.

Вот запах духов Васёна помнила совершенно четко, даже знала, как они назывались – «Фузэте», рижские, маленький ребристый флакончик с черной пробкой. Ей очень хотелось такие же, но отец, углядев однажды в ее руках тот последний флакончик, что остался от мамы, забрал его и унес к себе в кабинет, а Васёне на завтра поставил на туалетный столик запечатанную коробочку с красивым пузырьком в виде зеленого яблока.

Она ничего не сказала, но запомнила этот поступок отца – он не хотел, чтобы мамин аромат носил кто-то еще, пусть даже это родная дочь. Васёна не обиделась, но на «Фузэте» не покушалась больше никогда, а старенький флакончик с остатками духов так и стоял в отцовском кабинете, на самой высокой книжной полке за стеклом.

– Я, видно, здорово проголодалась, – пробормотала Васёна, – ишь, как мысли скачут: со статьи на Лешку, потом на папу и мамины духи... Надо все-таки перерыв сделать. И где этот доставщик, в конце концов, я так тут и умру голодной смертью...

Роман приехал, когда Васёна уже приканчивала огромную пиццу и едва дышала от удовольствия и большого количества еды.

– Чем это у тебя п-пахнет? – поведя носом, спросил он еще в прихожей.

– Ты слегка опоздал, но еще можешь присоединиться, там осталась пара кусочков. – Васёна вытерла салфеткой пальцы и вздохнула: – Почему все, что я съедаю, проваливается куда-то, а не оседает, например, на боках?

– Да ты в-ведьма, – расхохотался Роман, входя в кухню и обводя взглядом пустую коробку от большой пиццы и несколько таких же, опустошенных почти до дна контейнеров из-под салатов.

– Ну и ладно! Мой руки, я тебе сейчас разогрею.

– А это ч-что? – Роман зацепил пальцами один из распечатанных листков, пробежал глазами. – Все-таки к-копаешь?

– Негде мне копать, – засовывая в микроволновку тарелку с оставшимися кусками пиццы, вздохнула она. – Понимаешь, такое впечатление, что до Беларуси этот Тиханевич и не жил вовсе. Вся его история – там, а ведь родился и вырос он здесь, в России, и жил, похоже, до начала нулевых тоже тут. Но никакой информации вообще – так ведь не бывает?

– Ну п-почему? Он мог вполне п-подправить биографию, если за ним в-водились какие-то г-грешки, например, – усаживаясь к столу, сказал Роман. – По в-возрасту он вполне мог быть тут к-кем угодно, в том числе и б-бандюком каким... а они п-практиковали такие вещи – п-подчистить за собой, если б-была возможность.

– погоди-ка, – Васёна забралась на стул с ногами, подперла голову кулаком и вопросительно уставилась на Васильева, придвинувшего к себе контейнер с остатками «столичного»

салата, – ты хочешь сказать, что бизнесмен Тиханевич может оказаться вовсе не бизнесменом?

– И д-даже не Тиханевичем, – кивнул Роман, отправляя в рот салат.

– Но... выходит, у меня тогда совсем нет шансов? – расстроено спросила Васёна.

– Ш-шанс есть всегда. Только объясни: т-тебе зачем это н-надо?

Она сорвалась со стула, убежала в кабинет отца и вернулась оттуда с ворохом каких-то распечаток. Небрежно сдвинув на самый край стола контейнеры, а коробку от пиццы отправив на подоконник, Васёна принялась раскладывать листки перед Романом.

– А затем, что мне кажется... понимаешь, между этим Тиханевичем и маньяком Вознесенским непременно должна быть связь. Конечно, существует вероятность, что при наборе текста вставили не ту картинку, но она очень мала, согласись? – Она ткнула в распечатанный фоторобот с минского сайта и в ту фотографию, что принес ей сам Роман. – Ну не может быть таких совпадений. Это один и тот же человек – но совершенно непонятно, почему его ищут в Минске, когда он давно сидит в настолько зарытом учреждении, что оттуда никогда не было побегов.

– И ч-что? – не понял Роман, свободной рукой взяв оба листка и глядя на них.

– Как – что? На фото – Вознесенский? А ищут-то брата Тиханевича. И еще... – она выдержала многозначительную паузу. – Я вчера вечером на работе задержалась, меня охранник выпроваживать пришел, и мы разговорились. И знаешь, кем он оказался? Бывшим оперативником, который как раз по делу Вознесенского и работал! – торжествующе выдала Васёна.

– И ты, к-конечно, сунулась к нему с р-распечатками, да?

– Да! А что такого? И он подтвердил, что на снимке как раз Леонид Вознесенский. Но вот дальше... – Васёна задумалась на секунду. – Знаешь, мне почему-то показалось, что он не хочет говорить об этом именно со мной. То ли я на него впечатления не произвела, то ли он к женщинам с недоверием... – Она умоляюще посмотрела на закончившего жевать Романа. – Но он наверняка знает об этом деле все, раз работал, правда же?

Васильев усмехнулся:

– И ты х-хочешь, чтобы с ним в-встретился я?

– Рома! – Ее голос сделался просительным. – Ромочка, ну помоги мне, пожалуйста! Охранник не станет больше говорить со мной, а...

– А м-мне непременно р-раскроет душу, – усмехнулся Роман, откидываясь на высокую спинку стула. – Т-ты, Васёна, авантюристка. Ну и к-как, по-твоему, я к нему п-подберусь? «З-здравствуйте, дядя, мне бы про м-маньяка поговорить?» Д-догадываешься, куда он меня п-пошлет?

– Но ты ведь можешь сказать, что тебе заказали, например, статью о ветеранах полиции?

– Я же не ж-журналист, я редактор и немного ф-фотограф.

– Ты фотокорреспондент, просто ленивый очень и сам писать ничего не хочешь. Но прикинуться-то на час-другой можно? – не отставала Васёна.

– Тебя В-вовка не учил, что врать нех-хорошо?

– Да где тут врать?! – искренне удивилась она. – Я же не предлагаю ничего страшного! И твою статью можем потом на нашем портале опубликовать – ко Дню милиции, например, чтобы вообще все по-честному было.

– В-вечно ты меня т-толкаешь на к-криминал, – вздохнул Васильев, понимая, что Васёна теперь ни за что не отцепится.

– Как тебе не стыдно? – возмутилась она. – Где тут криминал?

– Ох, ч-чувствую, оторвет мне В-вовка голову, – пробормотал Роман, вынимая из кармана потрепанную записную книжку. – К-как, говоришь, з-зовут охранника?

Город Вольск, наши дни

Ева крайне мало времени проводила в интернете. У нее не было аккаунтов в соцсетях: зачем, если общаться все равно не с кем? По утрам она наскоро просматривала пару местных новостных сайтов и тут же выключала старенький компьютер. Ей куда больше нравилось читать книги – вот тут у нее был целый мир, в котором Ева не чувствовала себя брошенной, одинокой, никому не нужной.

Стоило открыть книгу – и все, собственная жизнь переставала быть важной, появлялась другая, та, которую проживали выдуманные кем-то герои, и Ева вместе с ними.

Читала она очень много, но денег на книги, конечно, не хватало, и она постепенно записалась во все городские библиотеки, там и проводила дни. Библиотекари знали ее по имени, всегда откладывали пару книг из новых поступлений, чтобы Ева могла прочесть их первой.

Особенно она подружилась с Еленой Фридриховной Вайс, пожилой немкой, работавшей в библиотеке за пару остановок от дома Евы. Старушка была одинока, ее дети давно уехали в Германию по программе репатриации, а она отказалась.

– Понимаешь, деточка, – рассказывала она Еве, пригласив ту как-то на чай в небольшую подсобку, – я ведь в Германии не жила никогда, родилась и выросла здесь. И отец мой тоже туда не стремился, хотя родом был из Дрездена. Рассказывал много, а вот уезжать не хотел, даже когда появилась возможность. Ну а раз папа не хотел и предпочел умереть здесь, то куда я-то поеду? Здесь дом, здесь могилы родителей – а там что? Чужая земля? Нет, человек должен жить там, где родился.

– Говорят, что это неправильно, – заметила Ева. – Мы ведь не деревья, чтобы всю жизнь на одном месте...

– Вот то-то и оно, что не деревья... Никаких корней не признаете, – пробурчала Елена Фридриховна. – Обрубили все лопатой – и на новое место. А там приживетесь ли? Кто знает?

– Но ведь ваш сын и невестка прижились.

– Говорят, что прижились. Но кто знает, как оно на самом деле? Мой сын привык не расстраивать меня по пустякам, так что не скажет ничего, даже если ему совсем невыносимо. Да и если разобраться – что их здесь удерживало? Это я так, ворчу по-стариковски, но понять могу. Когда погибла Адель... – Она поднесла к глазам кружевной платочек и умолкла.

Ева знала, как погибла внучка Елены Фридриховны, но предпочитала эту тему не развивать – ей самой становилось хуже, потому что наваливались воспоминания.

Адель была третьей жертвой Бегущего со смертью, и Ева втайне думала, что старушка просто узнала единственную свидетельницу, сумевшую выжить после нападения, и теперь ассоциировала ее с погибшей внучкой, перенесла на Еву ту любовь, что могла бы дать Адели. Но Елена Фридриховна никогда и ничем не дала ей понять, что знает, кто такая на самом деле эта незаметная читательница, приходящая в библиотеку практически каждый день. Она приветливо улыбалась, вытаскивала из ящика стола очередную новинку и заговорщически подмигивала, протягивая ее Еве:

– Сама еще не читала.

Ева бережно брала книгу двумя руками, прижимала к груди и уходила в самый дальний угол читального зала, забивалась за стол и принималась читать.

Иногда Елена Фридриховна приносила какую-то домашнюю выпечку – и тогда приглашала Еву на чай и обсудить что-то из прочитанного. Если в читальном зале никого не было, они разговаривали прямо там.

Ева, заметив, что старушка-библиотекарь очень любит зефир, тоже старалась сделать ей приятное и приносила коробочку. Елена Фридриховна сперва отнекивалась – видела, что Ева живет очень трудно, лишних денег явно не имеет, но Ева однажды расплакалась от обиды:

она ничего больше не могла сделать для своей пожилой подруги, та отказывалась от помощи, предпочитала справляться со всем сама, и вот этот зефир казался Еве единственной возможностью отблагодарить Елену Фридриховну за доброту и общение.

Старушка, поняв причину слез, перестала отказываться от подарков, и Еве стало чуть полегче – теперь они были как бы на равных.

Постепенно она смогла рассказать Елене Фридриховне о том, что много лет лечилась в психиатрических больницах и не надеялась оттуда выйти, но о причине своего состояния умолчала, на это душевных сил не находилось, да и лишнее упоминание о трагедии внучки тоже не принесло бы ничего хорошего.

Елена Фридриховна вопросов не задавала и никакого ужаса на ее лице не появилось, как бывало, если кто-то из случайных людей вдруг узнавал такие подробности.

– А хочешь, Евочка, я тебя попробую в библиотеку помощницей устроить? – вдруг предложила она в один из Евиных визитов. – Я ведь тут на хорошем счету, раньше вообще заведующей была, это потом уж по возрасту сама попросилась в простые библиотекари, мне здесь проще, да и люди кругом, а не бумажки-отчеты. А ты бы мне помогала. Денег, правда, много не платят, но ведь хоть что-то.

Ева, конечно, обрадовалась, но постаралась не обнадеживаться слишком: скорее всего, узнав о ее прошлом, заведующая просьбу отклонит, как бывало в самых разных местах, куда Ева пыталась устроиться.

Но в библиотеку ее взяли, и от радости Ева несколько дней ходила с улыбкой на лице – впервые в жизни у нее что-то получилось, пусть и не без посторонней помощи. И случилось это как раз вовремя: Ева напряженно ждала продолжения истории с пересмотром дела Бегущего со смертью и сходила с ума от ужаса, а теперь у нее останется куда меньше свободного времени для тяжелых мыслей и появится какое-то занятие, требующее внимания и сосредоточенности.

Вадим, которому она, разумеется, сразу же об этом сообщила, был рад не меньше:

– Ты просто обязана меня познакомить с этой Еленой Фридриховной. Я должен поблагодарить эту библиотечную фею – она сделала то, чего не смог я.

– А чего ты не смог?

– А ты не заметила, как изменилась? Ты ведь улыбаешься.

– Да? – удивилась Ева, на самом деле не заметившая произошедших перемен.

– Конечно! И у тебя ожили глаза. Так что я в долгу перед твоей знакомой.

Она на самом деле их познакомила. Вадим приехал к закрытию библиотеки и повел их в кафе, где за кофе и пирожными развлекал Елену Фридриховну байками из студенческой жизни.

Ева сперва вела себя настороженно – она очень просила Вадима не касаться в разговорах темы о Бегущем со смертью, но вскоре расслабилась, поняв, что Резников вовсе не собирается о нем говорить.

– Очень милый человек, – заметила назавтра Елена Фридриховна.

– Вадим? Да, он очень хороший. – Ева снова незаметно для себя улыбнулась.

– И что же – он тебе нравится?

– Нравится? – словно пробуя слово на вкус, удивленно переспросила она. – Я даже не думала... он мой врач...

– А врач не человек, что ли?

– Но... так нельзя, это неправильно...

– Ох, Ева-Ева, ты, конечно, такой ребенок... Но это и понятно – когда тебе было расти, ты болела. Но неужели ты никогда не замечала, как этот Вадим на тебя смотрит? Он же словно Пигмалион, так гордится тобой, как будто сам создал.

– А он и создал. Он же меня буквально вытянул, вытащил, не позволил навсегда в психушках остаться. Я ведь не хотела выписываться, просила оформить в специнтернат.

– Вот же дурочка! – всплеснула руками Елена Фридриховна. – Это что же за причуда такая?! Слава богу, что он послал тебе этого доктора, надо помолиться за него, чтобы был он здоров и счастлив! Ты же хорошая, умная девочка – какой специнтернат, выдумала тоже!

– Но ведь все обошлось... только вот я иногда думаю... – Ева поколебалась несколько секунд. – А вдруг так было бы лучше?

– Лучше?! А сейчас-то тебе чем плохо?

– Сейчас мне хорошо. – Она поняла, что напрасно затеяла этот разговор: не стоит старушке знать ни о ее страхах, ни тем более об их истинной причине. – Сейчас мне, наверное, почти так же хорошо, как было в детстве. Мне нравится работать с вами, нравится читать книги...

– Вот и хватит тогда все время в прошлое возвращаться! – решительно заявила Елена Фридриховна. – С этой минуты мы больше не будем говорить о том, что было. Лучше подумаем о том, что будет дальше.

«Если оно у меня будет – это волшебное “дальше”, – подумала Ева. – Наверняка Бегущий, когда освободится, захочет найти меня. А я уже не смогу убежать, у меня нет сил».

Город Вольск, наши дни

За время перелета Тимофей успел отлично выспаться, выпить кофе и теперь чувствовал себя даже бодрым и готовым работать.

Выйдя из здания аэропорта, он поймал такси и попросил отвезти в центр города, где забронировал гостиницу.

Водитель всю дорогу то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, и Тимофей понял, что тот пытается вспомнить, где мог видеть пассажира раньше. Подобное происходило часто – он все-таки вел еженедельную программу, и те, кто ее смотрел, разумеется, не могли не запомнить лицо ведущего. Вот и таксист, видимо, был зрителем.

Уже у гостиницы, вынимая из багажника небольшой саквояж, он решил:

– Скажите, а вы ведь Тимофей Колесников?

– Да, – кивнул Тимофей, забирая из рук водителя свой багаж.

– Очень рад! Я вашу программу давно смотрю. А к нам вы по делу или так, молодость вспомнить?

– Молодость? – удивленно переспросил Тимофей.

– Ну а как же! Ведь вы у нас тут серию статей писали, а потом и передачи снимали тоже – разве не помните?

– Разумеется. Нет, я к вам больше по делу... новая программа... – уклонился Колесников. – Еще раз спасибо и всего хорошего. – Он развернулся и быстрыми шагами направился к высокому крыльцу гостиницы.

В номере Тимофей разделся и сразу направился в душ – после перелетов всегда оставалось неприятное ощущение, которое хотелось смыть большим количеством прохладной воды. Он очень следил за собой, не позволял распускаться, всегда делал утреннюю зарядку и обливался холодной водой. Вот только с пробежками завязал как раз здесь, во время первой командировки, – ну это и понятно, учитывая специфику дела, о котором он тогда писал. И даже возвращение в Москву не воскресило в нем эту привычку, потому что утренние пробежки теперь для Колесникова оказались неразрывно связаны с убийствами и каким-то животным ужасом, возникавшим при одном только упоминании о любителях утреннего бега в парках.

Город, конечно, очень изменился. Тимофей решил погулять и осмотреться, а потом уж начать разыскивать молодую журналистку Стожникову, и теперь шел по набережной, которая в его первый приезд была совершенно запущенной и неудобной. Зато теперь она оказалась полноценным ухоженным местом, где приятно прогуляться в любое время суток. Все чисто убрано, кругом урны и скамьи, несколько беседок, одним краем нависающих прямо над водой, парочка кафе – летние столики уже были убраны, но теплые веранды еще работали. Большая крытая эстрада прямо над рекой – видимо, по выходным проходили какие-то мероприятия.

«Хорошо тут стало, даже не подумаешь, что провинция, – со свойственным ему снобизмом столичного жителя подумал Тимофей. – А тогда, конечно, ужас был... запустение, серость и какое-то беспросветное чувство безнадежности. Как будто жизнь остановилась».

Собственно, так и было. Жизнь практически замерла, когда по городу прокатилась волна жестоких убийств. Люди стали настороженно относиться друг к другу, в каждом прохожем видя возможного убийцу. По утрам старались сбиться в группы, поодиночке почти никто не ходил, а особенно все старались избегать парковых зон, выбирая новые, пусть и менее удобные, маршруты.

Милиция сбилась с ног, но результатов не было, как не было и свидетелей – лишь тела изнасилованных и убитых девушек в парке. И только у двенадцатого преступления оказались

и свидетель, и выжившая жертва, и вот тогда милиция смогла наконец ухватиться за ниточку, по которой и вышла на след убийцы.

Тимофею тогда не удалось поговорить с выжившей жертвой: ее охраняли, ее прятали, к ней не подпускали журналистов, ни для кого не делая исключений. Девушка была в очень плохом состоянии и физически, и морально, и даже на суде ее не было – зачитывали только показания.

Позже Тимофей узнал, что Ева – так ее звали – оказалась в психиатрической лечебнице, и с тех пор о ней никто ничего больше не слышал.

«Надо будет попробовать узнать, жива ли она и в каком состоянии, – думал он, медленно прогуливаясь вдоль реки. – Хотя... если в то время попала в лечебницу, сейчас наверняка уже ничего не соображает, если, конечно, жива. А жаль – было бы неплохо взять у нее интервью теперь».

Но он понимал, что при тогдашнем уровне психиатрической помощи шансов на нормальную жизнь у этой Евы было не много – если не сказать, что не было практически совсем. Так что идея об интервью с жертвой казалась утопической.

Центр города произвел на Тимофея приятное впечатление и даже настроил на вполне мирный и романтический лад. Здесь, несмотря на рабочий день и вполне обычную для этого времени суток суету, все было как-то иначе, чем в Москве. Да, так же спешили по делам люди, но от них не исходило той суетливой нервозности, что Тимофей тоже испытывал, оказываясь волею случая в московской толпе. Жизнь кипела, но как-то иначе, более размеренно, что ли, и от этого ему стало вдруг спокойно.

«А неплохой город, – думал Тимофей, шагая по оживленной улице и раздумывая, не зайти ли куда-нибудь пообедать. – Чисто, красиво, люди улыбаются. Почему в столице принято думать, что в провинции всегда серость, грязь непролазная и угрюмые маргинальные лица? Как будто это другая планета... А тут вон девушки какие симпатичные».

Он обратил внимание на стайку девушек, по всей видимости, студенток, спешивших к большому кофейному павильону и оживленно болтавших о чем-то. Такие же молоденькие девочки попадались ему и в Москве, вот так же бежали в кафе между лекциями, обсуждали что-то, смеялись. В здешней же стайке Тимофей вдруг зацепился взглядом за высокую блондинку с широкой улыбкой и большими, чуть навывкате голубыми глазами – девушка прошла рядом с ним, и он смог хорошо ее рассмотреть.

Тимофею на миг показалось, что он видел ее раньше, очень уж знакомое лицо, но он тут же отгнул эту мысль: в этом городе он не был ровно с того момента, как закончил снимать цикл репортажей, то есть восемнадцать лет, и этой девушки еще и на свете-то не было. И только потом он вдруг понял, что незнакомка очень похожа на Милу.

«Надо же, а я, выходит, все равно о ней думаю, скучаю даже», – удивленно констатировал Тимофей, и эта мысль ему почему-то понравилась.

Ресторан, в который Колесников зашел наугад, тоже оказался вполне хорошим, уж точно не хуже среднего столичного. Готовили тут вкусно, обслужили быстро, и Тимофей, подкрепившись, почувствовал, что готов отправиться в редакцию интернет-издания, где трудилась пока незнакомая ему Стожникова.

Город Вольск, год назад

Васёна с отсутствующим видом сидела в редакции, если был присутственный день, а ночью не вылезала из интернета, просматривая все, что попадалось ей о серии убийств в местном парке. Если же была возможность остаться дома, то ночь перетекала в день и обратно так, что Васёна даже не замечала, как за окном темнеет или, наоборот, рассветает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.